

Анатолий СТОЖАРОВ

НОСТАЛЬГИЯ ПО СЕВЕРАМ

Анатолий Валентинович Стожаров

Ностальгия по Северам

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63482841

*Ностальгия по Северам: литературно-художественное издание /
Стожаров А.В.: Северное издательство; Салехард; 2018*

Аннотация

Книга Анатолия Стожарова доставит удовольствие многим читателям, живущим не один десяток лет на Ямале. Автор в своих шуточных зарисовках вспоминает свою жизнь на Севере, коллег, а также эпизоды не только из своей северной биографии, но и забавные случаи из трудовой деятельности на радио. Книга будет интересна широкой читательской аудитории, которой Ямал стал родиной, и тем, кто здесь родился и живет по сей день.

Содержание

Предисловие	6
Билет с открытой датой	6
От автора	10
Салехард, улица Ламбиных...	13
Колоритный народ	32
Дикторы	40
Универ	47
Лагерь	65
Стройбат	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анатолий Стожаров

Ностальгия по Северам

Посвящается жене Симвире и дочери Дарье

Книга издана по решению Редакционно-издательской комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа

© Стожаров А.В., 2018

© ГУ «Северное издательство», 2018

Предисловие

Билет с открытой датой

Дверь редакции распахнулась – и очередной ностальгирующий северянин ворвался в маленький кабинет, заваленный бумагами, заполнив собой всё оставшееся пространство. Мохнатая шапка, сияющие глаза – весь облик излучает счастье несказанное! И будто не было многих, уже после северных лет. А сколько их, таких родных и близких, увы, не смогут это сделать по многим весомым причинам, тем не менее оставаясь на связи с нами, с Севером, благодаря вездесущему интернету. Но и тем, кому, как Анатолию Стожарову, посчастливилось вновь неоднократно оказываться на милом сердцу Севере, дважды в одну и ту же реку не войти – та вода уже недостижима. Но вновь подойти к берегу, оглядеть горизонты, ощутить тепло рук и родственных душ, пожалуй, возможно, и даже необходимо. Это не возвращение, будем честными, это прикосновение! Ностальгия...

За эти строки, что вы сейчас прочтёте едва не залпом, редакция «Народного журнала «Северяне» билась с теперь уже членом нашего общественного редакционного совета Анатолием Валентиновичем Стожаровым не один год – автор, лучезарно улыбаясь и клянясь в приязни и верности изданию,

клятвенно обещал! И вот, свершилось. Впервые появившись на страницах «Северян» в рубрике «Байки от Валентиныча» в 2014 году, его крепко сбитые и жизнью скроенные мужские рассказы двинулись один за другим, подталкивая за собой следующие...

Закончив трудовую деятельность, вырастив детей, люди зрелого возраста обычно смыкают теснее ряды старых проверенных друзей. Больше общаются с товарищами детства, одноклассниками и одногруппниками.

И лишь северяне, неотвратимо поднимаясь на крыло, не с щенячьим восторгом от необозримости пространства и покорённой высоты, а размеренно работая натруженными крылами и слегка провисая под грузом прожитого и пережитого, стартуют медленно, всячески оттягивая момент взлёта, но летят неуклонно и верно, ведомые безошибочно внутренним компасом, на свои зимние квартиры, в последние пристанища на просторах необъятной бывшей страны их молодости.

Не понимаемые до конца и собственными детьми, оперившимися благодаря родительским Северам, северяне-ветераны так и не вписываются окончательно там в новое сообщество, живут отчасти воспоминаниями, перепиской, телефонными звонками и редкими встречами с товарищами по былому. Не помогает даже наличие землячеств, любезно созданных и лелеемых при представительствах ЯНАО и ведущих разностороннюю адаптационную ветеранскую деятельность, и тогда остаётся одно – взяться за перо.

Тысячу раз проговоренное, передуманное, прочувствованное за «рюмкой чая», у походного костерка, на охотничьем биваке или в неказистом мужском уюте рыбацкой избушки на заветной протоке вдруг выламывается мощно из рамок побывальщины или устных рассказов. Оно звенит как натянутая струна, камертоном ушедшего времени, ставшего личной историей для советского, российского человека, северянина по определению.

Пишу, а в окошко настойчиво бьются одна за другой, словно тоже пытаюсь что-то сказать, крупные мартовские снежинки... Они рождаются, неисчислимы, в матово-белом, будто несуществующем небе, несутся мимо нас и тут же вновь становятся невидимыми. Прекрасные и непохожие одна на другую, они перестают существовать в своей отдельности, превращаясь в такую же однородную матовую белизну, но уже внизу, под ногами прохожих.

Мужской, порой переходящий в упоённо мальчишечий, слог стоjarовского повествования глубоко личностен и лиричен. Он осенён такой приязнью к миру и людям, даже к ситуациям на грани возможностей человеческого существования, что скрыть её не может даже упругая сюжетная канва, крепко сдобренная юмором и иронией, словечками и выражениями «оттуда», из тех одновременно пофигистских и мужественных, бездумных и глубоко продуманных времён.

Книжка эта, верю и надеюсь, как билет с открытой датой, — будучи напечатанной и попавшей к читателю, она тем не ме-

нее не дописана автором до конца, столько в душе ещё потаённого и страстного, пока не высказываемого, но ждущего своего срока, созревающего.

Это и право автора, и его долг. Перед Севером. Перед самим собой. Перед нами, чуткими и преданными читателями.

Ольга Лобызова

главный редактор редакции «Народный журнал «Северяне», заслуженный работник культуры Российской Федерации

От автора

Появлением этой книги я обязан своим друзьям-северянам и Ольге Лобызовой в первую очередь.

За что им большое человеческое спасибо!

Ольгу я знаю вот уже лет тридцать. К нам в окружную редакцию радио она приехала из Горького молодой журналисткой. И что любопытно – с багажом. Типа надолго. Я и сейчас помню здоровенный ящик – упаковку багажного вагона. И по сю пору она живет в городе Салехарде.

Я прилетел в Салехард десятком лет ранее, так у меня не только чемодана, но и портфеля-то не было. Так, студенческая сумка на плече. Что не помешало мне прожить на Ямале 44 года.

И то, и другое только подтверждает мощь северного тяготения.

В 2014 году все ветераны радио Ямала собрались в Салехарде на пятидесятилетний юбилей, дай бог здоровья организаторам. В завершении праздника Ольга собрала старых друзей, как хозяйка редакции народного журнала «Северяне», и сказала мне: «Пиши!»

– Да я радиожурналист, – пытался отшутиться я. – И что писать-то?

– Пиши о Севере! О своем Севере!

Нечего было возразить, и я сказал: «Ладно! Буду писать

байки, то есть случаи из жизни. Материал есть».

И начал со словаря. Надо же въехать в жанр.

Философский словарь определяет понятие байка как информационный блок, отражающий ту или иную сторону жизни или общественных процессов в яркой, хорошо запоминающейся форме, обычно парадоксального содержания. Однако. Не лишено.

Короткий забавный рассказ анекдотического или поучительного характера – это современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой.

Другие источники подчеркивают сказочность жанра – побасенка, вымысел.

Ага! Вот тут я должен сказать, что во всех написанных байках нет ни грамма вымысла – чистая правда. Ну так ситуация сложилась. И потом, это жизнь Крайнего Севера России с конца шестидесятых до начала двухтысячных годов. То ли еще было!

Многое решил Сергей Волков. Сейчас он гуру ямальской журналистики. В 1970 году, когда я только что пришел в коллектив окружного радио, он и Толя Омельчук, само собой сейчас легенда тюменской журналистики, уже были «забойщиками» на творческой тропе.

И это он сказал: «Я сразу понял, что ты пишешь книгу!»

Да я как-то и не думал, но количество баек перевалило за двадцать, и Волк постоянно напрягал: «Ну так когда же ты начнешь собирать свою книжку «Плач по Северам?»»

Тут он попал. Точно – плач!

Плач как литературный жанр – это тоска по утраченному.

Так и я говорю – ностальгия. Прямой перевод с греческого – острое переживание прошлого в качестве утраты.

Так что байки не самый легкомысленный жанр.

Салехард, улица Ламбиных...

*На Севере легче быть Человеком...
Иаков, архимандрит Нарьян-Марский*

Как вообще люди попадают на Север? Сейчас-то в общем-то в принятом понимании понятно – деньги, зарплата, заработки. А в шестидесятые годы прошлого столетия это была сплошная мистика.

Впервые я ощутил магическое воздействие этих территорий в 1964 году, когда, будучи бойцом объединенного сту-

денческого отряда Казанского государственного университета, строил поселок Урай в Ханты-Мансийском округе.

Нескончаемые болота под крылом ЛИ-2, вьющаяся речка Конда, палаточный лагерь на заброшенном поселковом стадионе на две сотни бойцов, слой комаров толщиной в палец и бочка с диметилфталатом, которым трудовой народ обтирался до пояса. Лето ж было. Форма одежды – с голым торцем. То еще средство – пластмассовая оправа очков плавилась на раз.

И работа... по 14 часов в день... до кровавых мозолей. Зато коробки штатных брусовых двенадцатиквартирных домов росли как грибы. И никому неизвестный поселок Урай становился городом. И хотя за двухмесячную каторжную работу мы получили по 400 рублей – невероятные в то время для студенчества деньги – было понятно: Север зря не платит.

Через год, наладившись ходить на лыжах в зимние туристические маршруты в марийскую тайгу, в охотничьей избушке Вовка Кабанов по прозвищу Химик (он безуспешно учился на химическом факультете Казанского университета) упоенно рассказывал о таинственном городе Салехарде, куда он попал лаборантом геохимической экспедиции.

«Старик, – повествовал он, – двигай туда, там от реки огромная лестница вверх к речному вокзалу, за ним – магазин, и там винчестеры продают!»

И ведь всё так и было. По окончании учебы я в Салехард

и двинул. 11 августа 1969 года. Самолетом, правда. И выйдя на берег реки Полууй, увидел – вот оно.

От причала шла вверх широченная деревянная лестница к колоритному терему, на котором было написано: «Хэбтя нгатеналва». Это и был речной вокзал.

Сверху открывался невероятный вид на многокилометровую пойму Оби – переплетались речушки со сказочными названиями Сухая Мохтылева, Щеголь, Хадар, Юркина протока, далее магистральный Харпосл, и за зелеными островами светилась Большая Обь.

И я как-то сразу понял – вот сюда и вела меня северная мистика. Надолго. На 44 года. Питерская прописка появилась у меня в паспорте в октябре 2013 года.

Город был не менее фантастичен – деревянные тротуары, бревенчатая улица – лежневка, а вот и магазин с вывеской «Лабка»... а вот и они... не винчестеры, правда, но охотничьи карабины КО-44 стоимостью 18 рублей 50 копеек.

За магазином был еще один здоровенный терем с национальными узорами – Окружной дом культуры народов Севера и чуть дальше та самая улица Ламбиных, где в старинном купеческом доме помещалась редакция окружного радиовещания. Куда я собственно вскоре и попал – редакции позарез нужен был диктор. Мистика продолжалась.

Надо сказать, это была совсем не та территория, через несколько лет ставшая известной всей стране. Ямало-Ненецкий (тогда еще национальный!) округ был сельскохозяй-

ственной провинцией, где слово «газ» присутствовало только в названии совсем уж далекого поселка Газ-Сале.

Альфред Гольд, Вячеслав Брынский, Анатолий Стожаров,
70-е годы

Лето 86-го, коллективный снимок

В столице округа Салехарде были исключительно деревянные строения, преимущественно бараки 501-й стройки, и первая кирпичная пятиэтажка, где разместились все власти: и города, и округа, – появилась только в 1975 году. Автомобили на улицах можно было пересчитать по пальцам, по домам развозили воду на лошадях, по-моему, даже телефоны были трехзначными, и девушки-связистки соединяли клиентов «вручную». В списке телефонов окрисполкома значился «конный двор».

Первым моим «стационарным» жильем был сталинский барак по улице Ленина, 60. В народе он прозывался «белый

кильдым» – когда-то он был оштукатурен и побелен. Народ там был сугубо наш – журналисты (до меня там жил Толик Омельчук, после – Леонтий Тарагупта), преподаватели музыкальной школы, официантка Валя из ресторана «Север» и, почему-то, милиционеры.

Семь метров комната, пять – кухня, система коридорная. Раз в неделю двести литров воды в бочку (а второй этаж), два раза в день зимой топить печку, удобства во дворе. Когда в минус 50 что-то уж стало задувать под подоконником, то там обнаружилась щель в палец, через которую был неплохо виден стоящий напротив кинотеатр «Полярный».

И только сейчас я понимаю – это были лучшие годы моей жизни.

Редакция радио существовала всего лишь около пяти лет, и я еще застал коллектив «первого призыва». Главный редактор Николай Матвеевич Михальчук вникал во все мелочи творческого процесса, и я был подробно расспрошен, проинструктирован и напутствован. Старший редактор Леонид Шевелев был более практичен и, закрыв за собой дверь кабинета, сказал: «Ну что, Толя, для начала мы, видимо, винца выпьем?»

Я понял – скучно не будет.

Сейчас – это легенды ямальского радио, да и тогда их знал собственно весь Салехард – Марианна Гилева, первый диктор на Ямале, Анастасия Лапсуй, чей веселый голосок со словами «Инзеледа, инзеледа!» был у всех на слуху, основа-

тельный Прокопий Салтыков – охотник, этнограф и знаток языка ханты, Евгения Никитина, со здоровенным портативным магнитофоном «Репортер-3» на плече.

Годом раньше меня приехали Сергей Волков и Толя Омельчук, которые немедленно стали основным журналистским ядром коллектива, особенно Омель, который мог материалами, привезенными из двухдневной командировки в Яр-Сале, заполнить недельный эфир. Совсем по-другому – неспешно и обстоятельно – работал Альберт Николаевич Родионов. Редакционная тематика – рыбодо-быча, полевая пушнина, совхозные новости.

Об Альберте несколько подробнее. Его не стало буквально через несколько дней после полувекового юбилея окружного радио.

Он был заметно старше нас, молодых. Держался несколько особняком – спокоен, нетороплив, никогда не повышал голос. И относился к молодой журналистской бригаде потечески – нас вечно «заносило» и в работе, и в командировках, и в быту.

В работе он определился раз и навсегда – не занимался оперативной журналистикой и всякими суетными делами. Его жанром был радиоочерк. Вот здесь ему не было равных – не спеша, неделями пропадая в командировках, сутками сидя за магнитофоном, он выдавал сорокаминутный шедевр. По-моему, в молодые годы он работал кинодокументалистом – за сорок минут в эфире разворачивалась картина жизни.

Это же было еще до «освоения недр Западной Сибири», и главным производством округа была рыбодобыча. И рыбаки были его главными героями. Он казался членом большой рыбацкой семьи Куйбиных – знаменитая Молдас, затем ее сын Никон. В его очерках разворачивалась картина жизни именно этих людей. Во всех подробностях. В этом было что-то этнографическое.

Жил он в старом деревянном «стройковском» доме по улице Республики, рядом с теремком газеты «Красный Север». Мы частенько бывали у него, заходили аккуратно, Нора, сибирская лайка, была начеку. Все было удивительным – по команде она приносила тапочки, да это бы ладно(!) – приносила баночку с витаминами, которыми Николаич, как старый охотник, ее потчевал. Охотник он был знатный, настоящий тундровик, опытный и несуетливый. Его уже тогда нередко подводило здоровье, и он мужественно кряхтел, держась то за бок, то за поясницу и собираясь вместе с нами в тридцатиградусный мороз на вездеходе «Газ-71» в любимый поселочек Горнокнязевск.

Как-то мы на очередной весенней охоте встали лагерем в несколько лодок на берегу Большого Полууйского сора. Пока мы занимались дровами и костром, Альберт сказал: «Пойду пройду» – и пошел в глубь кустарничка по руслу ручья. Вскоре грохнул дуплет, и он вернулся с двумя здоровенными шилохвостами на плече.

«Николаич! Ты что, еще вчера, что ли, их тут привя-

зал?» – только и мог сказать Толик Охрименко.

Старый тундровик Альберт и на охоте держался особняком. Тундра не живет общежитием. Каждый должен иметь своих оленей, свой чум, свой нож, свою собаку. И отвечать за все, что с ним происходит.

На следующее утро мы увидели «Прогресс» Николаича без малого посередине сора в километре от берега. Быстренько рванув к нему (мало ли что), мы не поверили своим глазам. Лодка стояла на якоре, тент был натянут, за кормой плавал десяток манчуков. Внутри лежал (в спальном мешке!) с двустволкой в руках довольный Альберт, в ногах – мешок уток. «А как же ты их? С воды-то?» – «Так Норка достает!»

В 90-е годы, уже из Надыма, я приезжал в Салехард и обязательно заходил к нему. По-прежнему по-отечески он расспрашивал о жизни, о семье, о работе. И становилось спокойнее на душе.

С тех пор прошло очень много времени. Но он все-таки встретил полувековой юбилей своего радио.

Он был настоящий мужик. Гражданин великой страны, которой давно уже нет. Под названием – Советский Союз.

Вся эта компания дневала и ночевала на улице Ламбиных. Я, например, вообще жил в редакции три месяца. Десяток стульев и под голову подшивку газеты «Правда». Из аппаратной ревел магнитофон – техслужба располагала километровыми записями Высоцкого. О технической службе – отдель-

но.

Обычная практика того времени – «кровавый» монтаж, то есть магнитофонные записи просто резались на куски, и путем склейки монтировалась передача. Километровые бобины магнитофонной ленты были на Севере страшным дефицитом, и наши звукооператоры – суровый Витя Дмитриев, ехидный Серёга Балин, молчаливый Юра Текутьев – работали в три руки, соединяя голос диктора из студии, репортажные записи и музыкальный фон. И все это на «тракторной» технике – громадных магнитофонах МЭЗ и здоровенном усилителе ТУ-100.

Все оговорки, не вовремя сказанные слова и прочие перлы скрупулезно и не без ехидства записывались и были материалом для бесконечных капустников.

Один из перлов. Приходит записывать какой-то информационный обзор Леня Лапцуй, тогда еще молодой ненецкий поэт. Это потом он написал свои знаменитые поэмы и стал классиком, а пока был с нами на короткой ноге. Я храню его сборник стихов с дарственной надписью: «Анатолию Стожарову, человеку с большим голосом. Как у Ваули Пиеттомина!»

Сидим мы с ним в студии, я делаю «подводку»: «У нашего микрофона...» Леня напыживается и внушительным голосом начинает: «Новопортовский халясавод (рыбозавод)... социалистическа пирдырма (соревнование). ЦК КПЗ.» Через студийное стекло вижу, как угорает звукооператор Серё-

га Балин. «Леня! ЦК КПСС!!». Леня кивает и опять внушительно: «Пирдырма. ЦК КПЗ!!!» Серёга в изнеможении падает грудью на монтажный магнитофон и корчится от смеха.

Как-то не умеют нынешние весело работать.

Но главное – это была работа, это была профессия. Сейчас мало кто представляет информационную среду Ямала в то время. Старейшая окружная газета «Красный Север» – трижды в неделю. Далеко не везде – районная газета. Программы телевидения в черно-белом формате, с многочисленными обрывами и помехами транслировались (по-моему, просто «по дружбе») с военной радиолокационной площадки в Горноknязевске.

Единственным источником информации для оленеводов и геологов, рыбаков и охотников были передачи окружного радио. Нарботанная за период становления практика пригодилась очень скоро – началось «освоение недр западносибирского Севера».

И немедленно начал пополняться коллектив редакции. Из Свердловска приехал Альфред Гольд, писавший в своих стихах «я – баянист, поэт, рыбак, шофер, монтажник». Он был несколько постарше, и жизненная школа у него была та еще. Причем сразу же (в марте 70-го года) он ушел с тракторной колонной по зимнику в Надым. Впервые, ни карт, ни связи! Я ж говорю – это была та еще работа, та еще профессия.

Появился Слава Брынский. В военном билете в графе «основная гражданская специальность» у него было написано –

актер. Исчерпывающе.

В 1975 году мы с ним поехали в Воркуту – покупать цветной телевизор, поскольку в Салехарде ввели в строй телевизору. Обратный поезд был только утром, светилась неоновая вывеска ресторана, и девать громадную картонную коробку было решительно некуда.

На вокзал, решили мы, в камеру хранения! Но на вокзале ее просто не было. «Да что же это?! – заглядывался Славец. – А, вот! Лейтенант!!»

Неподалеку стоял милиционер, и Брынский ринулся к нему, доставая из кармана удостоверение. «Пресса! Гостелерадио!!! Срочный груз! Телемонитор!» Лейтенант с уважением глянул внутрь коробки и твердо сказал: «За мной!»

Короче, телевизор мы разместили надежнее некуда – в камере предварительного заключения.

Уважали, однако, прессу в те времена.

Да, без изрядной доли авантюризма на Севере делать было нечего. Была фотография – Брынец на пуске газопровода Надым – Пунга висит с фотоаппаратом на крюке стрелы автокрана на четырехметровой высоте. Естественно – за шиворот. Точку съемки нашел.

Второй раз мы поехали в Воркуту втроем – Гольд, Брынский и я. Как выразился главный редактор, для «наведения мостов» с тамошней городской студией телевидения. Очень редко, но были такие, скорее, ведомственные структуры. Мосты мы навели быстро – вечерний телеэфир. И на

следующий день с нами здоровались на улицах.

Гостеприимные хозяйки (редакторы Наталья и Галина) решили завершить визит торжественным ужином в ресторане «Сказка» в жилом комплексе крупнейшей в Европе угольной шахты Воргашор. Не слабо жили полярные шахтеры.

Закончился ужин за полночь. И такси выкатилось в полярную тьму, легко набирая скорость по отличной дороге, полотно которой было приподнято над тундрой метра на два – чтобы не заметало. Водитель с неожиданным именем Рафаэль включил музыку, и романтически настроенный «папаша» (это прозвище Фред заслужил сразу по приезду) произнес: «Эх, ребята! С такой замечательной компанией да хоть не расставайся! Прямо в вечность!!»

И тут же Рафаэль, давно уже приглядывающийся к развеселой компании, не удержал руль на повороте, и «Волга» птичкой вылетела в снежную равнину. Пролетев метров десять, машина мягко ухнула в тундровые кустарники, занесенные снегом. Практически повисла на них. Наступила оглушительная тишина, в которой раздался восхищенный заикающийся шепот Славца: «Еще бы м-м-метров шесть... и в-в-вот она... В-В-Вечность».

Прямо перед капотом сквозь снежную мглу грозно маячили железные и бетонные конструкции опоры высоковольтной линии электропередач. Рафаэль открыл дверцу и рухнул в снег по пояс. С трудом выбравшись на дорогу, мы увидели вахтовый автобус. Он немедленно остановился, и первый же

вышедший шахтер, оценив ситуацию, заржал и спросил: «Из «Сказки?» «А то!» – гордо ответил Фред.

Из автобуса вывалила вся очередная шахтерская смена, нырнула в тундру и на руках вынесла такси на дорогу. Всё оставшееся время Рафаэль влюбленно тархтел: «Ребята! Да я с вами... всегда... запишите телефон.»

Я ж говорю – это были лучшие годы нашей жизни.

И она, эта жизнь, все набирала скорость. Строился Надым, разворачивались Пангоды. Корреспонденты не вылезали из командировок, причем Гольд настолько, что поселок Пангоды в шутку называли «Пангольд».

Из Берёзово приехал фартовый Коля Бондровский, вошедший в коллектив как патрон в обойму.

Из Тюмени – inferнальный Юра Головинов, что называется, метр с кепкой, смоляная борода и меховые сапоги. Через несколько лет в Надыме его будет сорок минут безропотно ждать вертолет, где томился тоже не слабый рабочий народ. Авторитет. Я ж говорю – уважали прессу в те времена.

Редакция радио была центром притяжения лихого народа, и местного, и приезжего. И богемный оттенок был. Был.

Заходил в громадном меховом полушубке и унтах командированный из Тюмени журналист Евгений Ананьев, всем известный как Женя Шерман.

Бытовал рассказ о том, как он еще в начале шестидесятых встречал в Тюмени московского коллегу, по заданию редакции писавшего о сельском хозяйстве юга Тюмени. Чувству-

ете? Не было еще газа и нефти, не было!

И вот они успешно застряли на редакционной «Волге» (на «Газ-69» бы поехать, так нетстоличный журналист!) где-то в полях на грунтовой дороге. Сели намертво. И вечер уже. Трактор нужен, а где его взять. Деревня была в паре километров, но надо ж было уговорить тракториста.

И родилась гениальная идея. Не Женя сопровождает москвича, а столичный журналист (и главное, удостоверение есть!) показывает тюменскую глубинку... Кому бы вы думали? Кубинцу! Это ж надо понимать, чем была тогда для нас Куба! А уж Джордж Шерман был вылитым кубинцем, одна борода чего стоит. Барбудос!

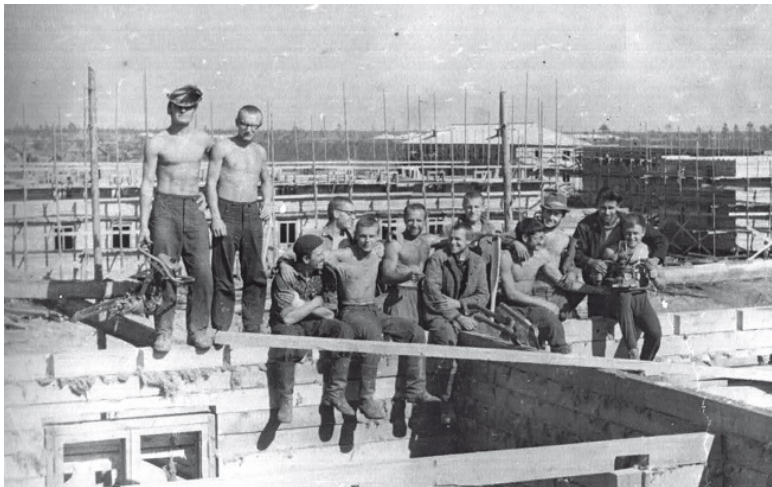
И потрясенный тракторист, и председатель колхоза летят на спасение революции.

Дрогнул Женя уже в деревне, где немедленно в сельском клубе начался приветственный митинг. И когда «кубинца» ловил в объектив фотокор районной газеты, Женя закрывал лицо вскинутой рукой и орал: «Патриа о муэрте!!!», и все понимали без перевода – «Родина или смерть!»

С трудом отбившись от энтузиазма селян и с сожалением поглядывая на здоровенные бутылки с самогоном, международная делегация благополучно отбыла в Тюмень.

Улица Ленина до 1-й школы

Стройотряд, автор – крайний слева

На следующее утро Джордж был срочно вызван к первому секретарю обкома КПСС Богомякову.

«Ну как съездили с москвичом?» – хмуро спросил Геннадий Палыч. И, не слушая сбивчивые объяснения Жени, заорал: «Что ж ты творишь, охламон! Мне ночью докладывают... у меня по области ездит неучтенный кубинец!!! Международного скандала хочешь?!»

Поникший Шерман только и мог сказать: «А как же вы поняли, что это именно я?»

«Я у себя в области другого кубинца не знаю», – устало сказал Богомяков и добавил: «Иди уж... барбудос!»

Легендарный был народ в то время. Да таких историй про

Женю не счесть. Это он, проиграв спор, выносил ведро с мусором на помойку в Салехарде в сорокаградусный мороз в одних трусах. Мало того, обежав при этом вокруг дома трижды, держа в руках флаг ДОСААФ. 72-й год был типа «олимпийский год не только для олимпийцев!». А все по-честному, проиграл – плати или беги.

Это дело, кстати, не у Сашки Мишкинда ли и было? По улице Мира. Еще один наш приятель по компании. Врач-нарколог. Хороший, причем доктор, потом уже в Сургуте кандидатскую защитил. А пока, в Салехарде, все пугал нас с Серёгой Волком хроническим алкоголизмом. Типа шесть признаков у нас налицо. Волк ржал и говорил, что у него и седьмой признак уже есть – с похмелья улицу боится переходить, а вдруг машина задавит. Это в Салехарде-то, где в то время автомобилей и было не более десятка. Между прочим, резон здесь был – алкоголь временные и пространственные смещения даёт будь здоров.

Так вот, приходит Саша Мишкинд утром на работу в окружную поликлинику и по традиции заглядывает в кабинет к корешу, то есть главврачу Жене Нигинскому (тоже ведь великий доктор, по-моему, сейчас в Тюмени есть больница его имени). И по традиции же открывает дверь пинком ноги, влетая по-ковбойски и «стреляя с бедра» – пу! пу!

Видит за столом еще несколько человек и в них тоже – пу! пу!!! А люди-то вроде и незнакомые, да и солидные что-то слишком... И Саша – на цыпочках – обратил и закрыл дверь.

Через несколько секунд в кабинете грохнул обвальный хохот.

Оказывается, с утра главврач Нигинский принимал комиссию облздрава и в ответ на недоуменные взгляды (по поводу стрельбы с бедра) пояснил: «Ничего страшного. Это наш врач-психиатр!»

Господи! Какое было замечательное время! И люди!

И всё-таки при всём размахе освоения центром, средоточием окружного радио оставался Салехард, а точнее, улица Ламбиных. Альфред Гольд писал стихи для своих блестящих радиоочерков, по субботам выходил радиоальманах «Ямал литературный», дежурный щита городской электростанции Юрий Кукевич вел передачу «Рабочий Ямал».

Это было время нашей молодости. Оно ушло.

Ностальгия осталась.

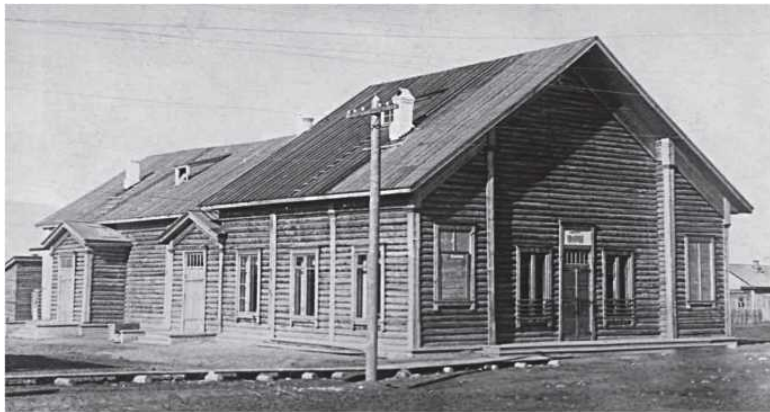
Колоритный народ

Он живет, видимо, в любом уголке России. Где больше, где меньше. Но он есть. Я родился на Средней Волге, между Ульяновском и Куйбышевым. Жигули тоже не слабое место. Пацанами мы ловили леща под «утесом Степана Разина». Так и мстилось, что где-то рядом эхом раздастся Стенькин рык – «Сарынь на кичку!»

Я до сих пор помню неповторимый местный говор. Кто-нибудь рассказывал крутую историю, и собеседник согласно кивал: «Да уж! Фули баять!» Уникальное смешение матерного со старославянским.

Но я про салехардский народ. Более колоритного народа, чем там, в конце 60-х годов... (господи, рука не подымается!)... прошлого столетия я больше не видел.

Прилетел я с дипломом Ульяновского пединститута в этот деревянный городок 11 августа. Горono поместило меня на дебаркадер речного вокзала, там на втором этаже были крохотные «номера» на двоих. На время навигации. Вторым был Леонидас Белоусовас (в просторечии Лёнька Белоусов) из далекого города Друскининкай. Уже не слабо для первого знакомого. Постарше лет на пять, молчаливый, стриженный наголо.

Кинотеатр «Полярный», Салехард, 1951 г.

Ситуация располагала к откровенности, и он все выложил в первый вечер. В трудовой книжке 29 записей – экспедиции, буровые и прочие места, о которых я раньше только читал. Топограф, помбур, слесарь, механик – водитель ГТТ, ну и так далее. Ждал вызова на Перегрёбное. Напомню – август 69-го. Ни о каком освоении никто не слышал. Народ ехал поштучно. Но какой народ!

Навигация закрылась, и меня переселили на второй этаж основного здания речного вокзала. «Номер» был уже на 11 человек. Все штучные. Сбежавшие от жены, исключенные из партии, искатели лучшей доли. «Откинувшийся» после 20-летнего срока и ждавший чего-то пятидесятилетний мужик, впервые угостивший меня строганиной. Вечером они

раскладывали мятые карты (не игральные!), письма, заявления и совещались. «Мне один говорил: надо на Мессояху. Не... лучше в Газ-Сале.» Не вставая, на койке лежал Витя – мрачный амбал лет сорока, руки синие от наколок, нехотя рассказывавший, как он осваивал целину. Более подробно его расспрашивать было как-то не с руки.

Ударили морозы, первый этаж – зал ожидания, кассы – зашили досками, и там начали спасаться от холода бичи. К полуночи шли пьяные разборки, и мы стучали в пол для порядка. Когда разборки перешли в грохот, Витя встал и мрачно сказал: «Пойду, посмотрю». Затея была явно безумной, но останавливать его опять-таки было не с руки.

Вернулся он минут через десять: «Четырнадцать... оголодали... готовы на всё!» Внизу он в полной темноте рявкнул: «Бичи, встать!», построил их и допросил. Куда уж колоритней.

Коренной обдорский народ был не менее хорош. Я уже освоился в родной конторе, да и в городе. Это было несложно. Можно было зайти в любой барак, любую квартиру на огонек. И что барак, каждый второй в них жил.

Как-то мне нужно было переговорить с нашим техником Витей Митриевым, и он сказал: «Заходи вечером. Там у любого спросишь».

Там – это между городским рынком и водокачкой. Центр города. Вечером, как ни озирался, я не мог понять, где же он живет. И когда мне конкретно ткнули в люк в земле, я был

потрясен. Большая семья, включая бабушку, жила в землянке! В центре города! И не они одни так жили. Причем жили весело и не унывая.

Ко мне через год в два часа ночи вваливались кореша с бутылкой спирта и здоровенной фанериной с пельменями. На чем лепили, на том и принесли. Простые были нравы.

Как-то вечером после работы мы с ребятами зашли на очередной огонек. Едва ли сейчас я смогу объяснить, почему это называлось «квартира Маргарет Трубо». У Трубо был полный бардак. По-моему, там гуляли и ночевали круглосуточно. Благо меховых шуб и полушубков было в достатке.

В угловой комнате на тахте лежал лицом вниз двухметровый летчик в пилотской синей шинели и собачьих унтах. На свой вопрос я получил исчерпывающий ответ: «Это спит Аксель Уусярв». Ясно.

Застолье было в разгаре, когда у меня за спиной раздался рев: «Партизанен! Пу! Пу!» Это проснулся Аксель и решил немедленно присоединиться к компании. Понятно, в шинели и унтах. Золотое было время. Простодушное. И честное.

В Салехарде в то время человек без мотолодки был как бы не совсем человек. При первой же возможности я купил «Казанку-5М1» и вступил на рыбацкую и охотничью тропу. И быстро понял вторую (после неунываемости) основу местного народного характера – неудержимость.

В конце мая город пустел. Весенняя охота. Разговор в горгазе.

– Коля! Ну куда я тебя отпускаю?! Последний ведь слесарь! Какой отпуск за свой счет? Кто работать-то будет!!

– Надо. Отпусти.

– Нет! Не могу!

Коля рвет рубаху на груди и пишет заявление на «увольнение по собственному желанию». И что ты думаешь? Отпустили! Это было святое.

Сейчас среди молодежи бытует слабая калька мощного слова «неудержимость» – отвязанность. Хотел бы я поглядеть на этого любителя паркура и прочих изящных прыжков в ледоход на протоке Хорня в пойме Оби.

Пробившись по битому льду из Салехарда, мы благобно сидели у костерка. За спиной избушка, озерцо, манчуки. По Хорне шел мелкий лед.

Мимо, ревя моторами, промчались три лодки с веселыми компаниями на борту. «На Игорскую идут», – уважительно прокомментировал Юра Кукевич. Он же через полчаса первым услышал треск в кустах. Хотя на километры вокруг вроде и не было никого. «Кто-то ломится», – Юра лениво потянулся за ружьем.

Из кустов вывалился мужик в полном охотничьем снаряжении, покрытый ледяной коркой. Сделав пару шагов к костру, он упал и, похоже, вырубился. Содрав с него ледяные брезентухи, мы прислонили его к костру и влили кружку водки. Открыв глаза, мужик решил объяснить свое появление. «Выпал», – кратко сказал он. Отряд не заметил потери бойца.

Как можно проплыть полсотни метров в битом льду и полкилометра ломиться берегом по кустарнику?! Причем, если бы он пошел в другую сторону, там километров шестьсот тундры...

Салехардская старая пристань

Причал

Практически каждый мог рассказать подобную историю. Да вот еще одна.

Сидели мы тогда на «весновке» на Большом полуыском сору. Там посередине остров – кустарник и снег. Центром большой компании были братья Уклеевские. Утка не шла, водка кончилась, и в Салехард был командирован младший, Серёга.

Дело обещало быть недолгим – «Казанка», старая, еще без «булей», под мотором «Вихрь-20», – летела, как птица.

Прошел час, другой. Да куда же он делся? Наконец на горизонте появилась точка. «Идет!» – облегченно выдохнул народ. Точка стремительно приближалась. Было видно,

как Серёга сидит на корме и мертво держит румпель. «Щас сбавит», – авторитетно произнес старший Уклеевский. Нет, не сбавил Серёга! На полном ходу «Казанка» воткнулась в снежный сугроб – Серега, оторвав румпель, вылетел из лодки и загремел башкой в кустарник.

В правой руке был зажат румпель, и Серёга по-прежнему «давил полный газ»!

Естественно, в городе, купив ящик водки, он накатил пузырь, взял курс на остров, дал «полняка» и выключился.

Сейчас, похоже, нет уже такого народа.

Про землянки никто из жителей цветных пяти- и семиэтажек не помнит. Бараки остались разве что на УФАНе. Кто-нибудь помнит, что это был за район? А жаль.

Дикторы

Вот уж никогда не думал, что буду работать в этой редчайшей профессии.

Радио было вокруг в нашем детстве. Черные тарелки были везде – в жилых комнатах и на полевых станах, в кабинетах техникума и сельсовета. В любые помещения проводился сначала свет, потом радио. И оно практически не выключалось. Это был единственный источник информации. Газеты выписывали разве что преподаватели техникума да председатель колхоза.

И мы слушали – выпуски новостей, радиожурналы, трансляции из оперных театров. А как вам – «Сегодня у нас 389-я встреча с песней»? Это Виктор Татарский. С 1967 по 2017 год тысяча триста выпусков!

Дикторы были таинственными людьми, нематериальными, их никто не видел. И, самое главное, откуда они появлялись? Не было ни одного учебного заведения, где бы их готовили!

В 1969 году в Салехарде после неудачного полугодия учителем физики в школе, сидим мы перед Новым годом с Виталиком Денисовым, и он говорит: «А сходи-ка ты в редакцию радио. Голос у тебя есть, а диктора у них нет!»

Ну я и зашел. Посадили меня в студию, рядом с Марианной Гилевой, и мы начали читать вдвоем. Старший редактор

Леонид Лазаревич Шевелев послушал минут пять и говорит: «Ну вот, Мара, тебе и напарник, мужской голос!»

После Нового года я к работе и приступил. Марианна была диктором практически с основания редакции, характерный низкий голос. Было чему поучиться.

Редакция располагалась в старинном купеческом доме по улице Ламбиных. Прямо при входе была дверь в студию, ну это громко сказано – два на три метра. Всё завешено красными бархатными портьерами, маленький дикторский стол и два стула. Рычажный микрофон. Сигнальная лампочка. Всё.

За стенкой была аппаратная. Витя Дмитриев, Серёга Балин и Юра Текутьев веселились там почти круглосуточно. На стенах были развешены «бемсики» – музыкальные перебивки между программами. Заходили журналисты перебросить записи с портативных магнитофонов типа «Репортер-3» на магнитную ленту базового «МЭЗ». Здоровенный аппарат, который постоянно заклинивал, и Серёга приводил его в чувство пинком ноги. Дым стоял коромыслом, в следующем кабинете Леонид Лазаревич прикуривал одну сигарету от другой. Три пачки в день!

Монтаж шел вслепую, оператор нажимал кнопку, в студии загоралась лампочка, и диктор подхватывал. Шаманство!

Как мы там все умещались?! Шумный Толя Омельчук, веселый Слава Брынский, основательный Альфред Гольд, скромная Алла Тарасова, боевая Ирина Рачанович, вездесущая Женечка Никитина, тихий Прокопий Салтыков, ма-

ленькая Тася Лапсуй.

Сидим с Марой в студии, последние известия, ждем лампочку. По портьеру из-за дикторского стола выползает здоровенная крыса. Я оцепенел. Мара мгновенно выключила микрофон и только потом отчаянно завизжала. Инстинкт диктора. Эфир неприкосновенен.

Идем далее. Относительно большой кабинет, где сидела вся журналистская мафия. Непрерывно гремели пять телефонов.

Перед ним – стол машинисток, на котором стоял небольшой старинный самовар. Перед праздниками и по другим поводам в него входило три бутылки вина, и шеф, Николай Матвеевич Михальчук, никак не мог понять, каким образом народ уже подшофе.

Отработав три года, я как-то понял, что надо посмотреть, как люди-то всё это делают. В Москве был Всесоюзный институт повышения квалификации работников радио и телевидения. Туда-то я и попал, правда, с опозданием на неделю. Ну ничего, курсы дикторов были двухмесячными, и мне хватило с лихвой.

Приехал на Пятницкую, оформился, сказали идти в 9-ю студию. Захожу – полтора десятка дикторов стоят и, другого слова не подберу, режут в полный голос: «Ба! Ба! Бы! Бы!»

«Бабу бы!» – мелькнула дикая мысль. Не может быть. Короче, это было упражнение на удержание артикуляции при полном голосе. Проще – чистота произношения в полный го-

лос.

Не слабо ребята работают, думаю.

Дикторы были со всего Советского Союза – Женечка Воробьёва из соседнего Ханты-Мансийска, Владик Мыщу из Кишинёва, Толик Татнинов из Элисты, далее – Норильск и Мирный, Якутск и Махачкала.

Диктор – это голос страны, и в любой ее точке он должен звучать достойно.

Это был самый расцвет. По коридорам скромно ходил и здоровался с прибывшим народом Юрий Борисович Левитан. Владимир Герцик, Эммануил Тобиаш, Глеб Калмыков, Татьяна Грекова, Ольга Высоцкая – я застал всю когорту!

Попали мы с Толиком Татниновым по прозвищу Тодор к диктору-педагогу Глебу Константиновичу Калмыкову. Рабочий день у диктора шесть часов, и мы садились в студию, наставник вел различные передачи, а в промежутках осваивали профессию.

На третий день Глеб сказал: «Ну садись! Выпущу тебя в эфир!» И хотя это была третья программа, и сказать нужно было всего несколько слов, я дрогнул. Но сел.

Оператор за стеклом сделала приглашающий жест, я щелкнул рычажком микрофона...

– Говорит Москва! Московское время 15 часов. Послушайте. – ну там какая-то увертюра. И выключился. Пульс зашкаливал.

– Хм, – сказал Глеб, – неплохо!

И полтора месяца мы с ним работали. Техника речи. Артикуляция. Ударения.

Вот по ударениям отдельно. Как-то московский диктор умудрился сделать ТРИ ошибки, представляя депутата Верховного Совета СССР от Ямала – Тойво Яптокович Салиндер.

Хотя он – **Т**Ойво **Я**птокович Салинд**Е**р!

Поэтому всех нас по приезду усаживали за стол и просили написать все ударения в регионе – селения, речки, имена и фамилии.

Существовал целый штат контроля, все ошибки, неточности и ударения фиксировались и публиковались в ежедневных обзорах.

Нельзя было сказать «стратегический бомбардировщик», он – стратегический! Чувствуете разницу?

Ну а в дикторы попадал народ совершенно разный.

Глеб – из бывших артистов, он рассказывал, как к нему поздно вечером, после спектакля, заходил знаменитый Борис Ливанов.

– Кто там?

– Это я, Бен Ливанов!

Был диктор с образованием – институт путей сообщения. Злые языки называли его «железнодорожником».

Главное, нужно было одно – голос, богатый, с обертонами, узнаваемый. Безупречная дикция.

И нужно чувствовать слово. Звучащее слово. Вот и всё.

Периодически «Гостелерадио» проводило конкурсы дикторов. Вот так они туда и попадали.

И Ольга Высоцкая рассказывала об одном из них: «Не понимаю, почему взяли этого?.. Вот же голос... сказка... заслушаешься».

Ей отвечает художественный руководитель московской группы дикторов Владимир Всеволодов (нам с Тодором повезло, Глеб приболел, и неделю он с нами занимался! Легенда!): «Ольга Сергеевна! Это же диктор! Мы взяли его потому. Вот представьте. Утро. «Говорит Москва... семь часов... погода.» Все четко, красиво и спокойно... Я собираюсь, пью кофе... и вовремя иду на работу! А теперь представьте второго. «Говорит Москва!..» Голос – сказка. Я заслушался. И что? Брился – порезался, яичница подгорела, кофе убежал... И я опоздал на работу!»

Это точно. Диктор приходил в дом с утра. И становился частью жизни.

Всего я проработал диктором радио десятков лет.

Третью категорию мне записали в трудовую при приеме на работу, вторую я получил лет через пять. В принципе это негласный потолок. Высшую категорию получали только москвичи. Ну, может быть, Питер. Первая категория – это областные центры. В Тюмени – это Витя Гвоздовский. Все остальные – максимум вторая.

Под занавес я-таки пробился в первую категорию.

В 1986 году еще раз попал на аналогичные курсы, но уже

в Останкино.

Всё. Это была столица телевидения. Старая гвардия радио ушла со сцены, начали появляться диджеи, ведущие с кашей во рту, картавые комментаторы.

И что сейчас радио?

Универ

В Советском Союзе была лучшая в мире система образования. Расхожая фраза. Но, похоже, и правда, по крайней мере, в шестидесятые годы.

Всё начиналось со школы. В родном волжском селе Усолье была только семилетка. Десятилетка – в райцентре.

Зато нашу школу в свое время открывал инспектор народных училищ, действительный статский советник Илья Николаевич Ульянов. Да, да, отец дедушки Ленина! Во как!

И школа соответствовала. Во всяком случае, я и по сей день пишу без ошибок.

Но главное – это, конечно, чтение. «Робинзона Крузо» я прочитал уже в третьем классе. В четвертом – «Всадника без головы». М. Рида читал я под одеялом с фонариком. Мать ругалась – глаза испортишь.

В следующем году появился сказочный шеститомник Майн Рида, красные обложки с золотым тиснением. «Белый вождь», «Квартеронка» и так далее. Тома ходили из дома в дом.

А кто помнит Луи Буссенара «Капитан Сорвиголова»? Я уж молчу про великого «Наследника из Калькутты»!

Какие были издания – со словариком иностранных слов и терминов, картами, схемами парусного вооружения кораблей! Я и сейчас отличу стаксель от лиселя.

Ну и, конечно, «Три мушкетера»! Из подходящей дощечки строгались шпаги, и мы разыгрывали целые спектакли. Я был Атосом.

Прав был Владимир Высоцкий – если ты стал толковым человеком, значит, нужные книги в детстве читал.

После семилетки я пошел в техникум, где работал отец. Сельскохозяйственный, а что делать. Не в Шигоны же ездить в десятилетку. Пятнадцать километров. В техникуме всё было по-взрослому, давали даже начала математического анализа, отец преподавал профильные детали машин и сопроводит.

Колхозник из меня получался хреновый, и отец каким-то чудом устроил меня в Саранск. Там жил его младший брат, дядя Володя.

В шестьдесят втором году вовсю шел переход к одиннадцатилетней системе образования, и в 14-й школе Саранска из самых нетерпеливых был сформирован выпускной десятый класс. Вот в него я и попал. Подкидыш.

А посмотрите, какие были ребята!

Мой одноклассник ленинградец (не могу назвать его питерским) Михаил Веллер писал:

«Мы были, были!.. Мы, старперы, несостоявшееся поколение, дети победителей величайшей из войн, волна демографического взрыва – сорок шестой-пятидесятый года рождения, самое многочисленное поколение за всю историю страны.

КГУ, физфак, 2-й курс,
1964 год

10-й класс, автор – в третьем ряду крайний слева

Нам было по пятнадцать, мы были юны, стройны, красивые, полны сил и веры: читали Евтушенко, читали Вознесенского, переписывали «Пилигримов» Бродского. Мало знали, еще меньше понимали, но верить умели, это тоже было у нас в крови, – нет, сомневались, издевались, но – верили. Что было, то было – верили».

Да, Саранск мне определил очень многое. И самое главное – уровень.

Пять медалей в классе – две золотые и три серебряные. Одна моя.

Впереди был УНИВЕР. Вот как я поехал поступать в МГУ? Московский государственный университет. Пацан,

шестнадцать лет, колхоз.

Тоже показательно, кстати. А равенство было! И куда – на физфак!

Я ж не знал, что я гуманитарий, и слова-то такого не было в ходу.

И опять же: «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне!»

Приехал я к шапошному разбору, чуть ли не последний день приема документов, нас пятнадцать орлов (не менее половины – медалисты), поселили вообще в холле, на пятнадцатом этаже, на раскладушках. И я два дня ходил, открыв рот, по этому государству – Ленинские горы, нескончаемые коридоры, залы, столовая площадью с железнодорожный вокзал, студенческая пестрота – негры, кубинцы, испанцы, китайцы.

Скоростной лифт ходил до тридцать шестого этажа. Что характерно – рубежом был шестнадцатый, если первый подошедший ехал ниже, то так и кричал: «Ниже!», и лифт заполнялся соседями, крик «Выше» означал, что кабина пойдет от шестнадцатого этажа и выше. Такая вот саморегуляция.

Кончилось все это на третий день. Первый экзамен – физика письменно. В билете три задачи. Простенько так.

Первая: поезд идет со скоростью восемьдесят километров в час, капли дождя падают со скоростью двадцать километров в час. Под каким углом они будут оставлять след на стек-

ле вагонного окна? Это всё. Ей-богу, я помню дословно.

Я напряг все свои знания. Через десять минут я понял, что зря здесь сижу. Остальные задачи я и не читал.

Председателем приемной комиссии был великий физик Лев Давыдович Ландау. Его абсолютно не интересовали медалисты с их тотальными пятерками по географии и химии. Его интересовали троечники, помешанные на физике.

Да, это было круто. Из наших орлов не поступил никто! Шестнадцать человек на место. Первый экзамен отсеял восемьдесят процентов абитуриентов! Для тех, кто сдал, оставшиеся сочинение и иняз были уже формальностью.

А откуда, вы думаете, взялась великая школа советских физиков?

И я на последние пять рублей еще три дня бродил по окрестной Москве... Три копейки с сиропом, одна копейка без... сказочные сигареты «Друг»... стаканчики с мороженым... трамваи... вечерние рекламы. Столица, блин!

С тем и уехал. Но упорный отец (за ним это водилось) сказал: «Поедешь в Казань!» Ну я поехал.

Может быть, мало кто помнит, но в МГУ экзамены сдавались в июле! Надо понимать, именно для того, чтобы все «пролетевшие» могли бы поступить в августе во все оставшиеся вузы.

А Казань – это рядом. На Волге родной. И в КГУ я поступил уже без проблем. Ясное дело, на физфак.

И началась студенческая жизнь.

А с чего она начинается? Правильно, с общаги. Да, собственно, она там, в основном и прошла.

Улица Красной позиции, дом 4а. Сдвоенная пятиэтажка, длиннющие коридоры. Минимум имущества. Комната на четверых: четыре кровати, четыре тумбочки, один шкаф. Всё.

Первый год как-то не очень и запомнился. Привыкал к общежитской жизни, к громадному зданию университета, напротив которого в центре полукруглой площадки высился памятник молодому Володе Ульянову. Это и была знаменитая «сковородка».

Чуть позже в Казани снимался фильм, по-моему, «Ленин в Октябре». Над входом соорудили надпись: «Казанский императорский университет», и в буфете рядом с нами пили чай здоровенные усатые солдаты в шинелях и с «трехлинейками».

С питанием проблем не было: замечательные пирожки с капустой – десять копеек, чай – три. В общежитской столовой штатный обед: суп, котлета, пюре, стакан катыка (такой местный кефир) – стоил семьдесят копеек. При стипендии в тридцать пять рублей жить можно.

А эчпочмак (татарский треугольный пирожок) с чашкой горячего бульона за двадцать семь копеек?

В двести восемнадцатой, самой большой аудитории, читал стихи Роберт Рождественский, шли вечерние концерты – Аркаша Кабаков (это с ним мы через год пахали в стройот-

ряде в поселке Урай Тюменской области) читал «Пилигримов» Бродского, а Алик Матафонов, мой сосед по комнате в общежитии, играл на неведомом инструменте – электрогитаре.

В общаге с Валерой Семеновым

Усольский техникум, в парке

На вечера отдыха в актовом зале или, как их правильно назвать, на танцы приходилось лезть через окно туалета: ребята в красных повязках фильтровали клиентов. Играл джазовый оркестр КАИ – авиационного института.

Народ танцевал уходящий липси, модный тогда медисон, самые крутые пробовали твист.

На втором курсе, освоившись, я каким-то образом попал четвертым в комнату третьекурсников. Вот тут-то я помню всех.

Утро в общежитии. Первым просыпается Вовка Комраков,

ульяновский, кстати, не открывая глаз, хлопает рукой по тумбочке, нащупывает пачку «Примы» (господи, крепчайшие ведь сигареты), закуривает и открывает глаза. Первый разряд по прыжкам с шестом.

Спорт был неотъемлемой частью нашей тогдашней жизни. По коридору шатались двухметровые баскетболисты. В комнатах гремели гантели. В холле первого этажа молотили друг друга боксеры.

Напротив, у окна, лежит, накрывшись простыней (одеяло он не признавал) Серёга Хитерхеев. Бурят. Улан-Удэ. Кровать отодвинута от стены сантиметров на пятнадцать, и там стоит гоночный велосипед. Настоящий, фирменный. Это на нем я ездил за тридцать километров в деревню Кокушкино, место первой ссылки Володи Ульянова, когда его вытурили с первого курса университета. Интересно было.

И рядом ворочается спросонья Генка Ершов. Второй разряд по боксу. Неудачник. Вечно в синяках. Но упертый донельзя. У них на курсе был страшный предмет – риманова геометрия. Ну, Евклида мы еще по школе помним. Университет у нас, кстати, имени Лобачевского. Это следующая ступень. А у Римана многомерная геометрия.

Я попробовал почитать и осилил полстраницы. А Генка просто перемалывал строку за строкой, и я явственно слышал, как у него «трещат мозги». Слава богу, что я гуманитарий.

И кипела вокруг студенческая вольная жизнь. Седьмого

ноября из окна четвертого этажа по пояс вывешивался еще один ульяновский охламон Юрка Колобов и орал: «Социалистическая геволуция, о необходимости котогой все вгемя говорили большевики, свегшилась!!!»

На пятом этаже гуляли заросшие бородами геологи, вернувшиеся с экспедиционной практики. В час ночи они могли пнуть ногой закрытую дверь с простым вопросом: «Закурить есть?»

Каждый вечер в холле первого этажа танцы. Но это если нет трансляции хоккейного матча. Когда «наши с канадцами» – к единственному небольшому черно-белому телевизору было не протиснуться. Болели в три яруса, на табуретках.

Как забыть Игоря Прокопенко из соседней комнаты! Он ходил в старинном баронском халате с гербами и витыми шнурами, особенно эффектно с грохотом вынося ведро с мусором. Была какая-то паспортная проверка, так он пятнадцать минут вспоминал, где у него паспорт, а когда нашел, я вздрогнул. Документ был сложен вчетверо и выглядел так, как будто его носили в ботинке.

В соседней комнате за шахматной доской Владик Макаридин. Выигрывая, он с французским прононсом (как раз был расцвет итальянского и французского кино – Жан Габен, Марчелло Мاستроянни) напевал: «О се си бон... шляпа, как абажюр... и с тобой я сижю... и я не тужю!»

Проигрывая, переходил на украинскую мову: «Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю... шо ж я, б..., не сокол?»

Но когда-то надо и в университет. Я уже каюсь – ну не физик я. Однако скажу уверенно – университет не может пройти даром, независимо от факультета. Уровень преподавательского состава не таков. Хочешь не хочешь, а получишь. Все-таки физика – это базовые знания об устройстве мироздания. И ты постепенно начинаешь понимать и второй закон термодинамики, и кто такой Кельвин, и как работает синхрофазотрон, и что такое энтропия.

Университет, тогда, по крайней мере, давал свободу. Не нравится слушать лектора – иди в библиотеку, штудируй риманову геометрию в общаге. На экзамене поговорим.

А какие были лекции! Математический анализ читал Валентин Иванович Шуликовский, с мехмата, кстати. Так он исписывал громадную доску формулами, долго размышлял, потом переходил на стену аудитории и писал мелом всё более сложные конструкции, упирался в угол и растерянно говорил: «Ну как-то так.»

Нас завораживала красота процесса.

Хотя в общаге был паренек не от мира сего, Лёва Михельсон, так он мог сказать небрежно: «Вот, за выходные Фигтенгольца перечитал!»

Это знаменитый учебник по матанализу объемом страниц шестьсот! Перечитал он.

Сушеный Геракл

Через 40 лет, 2006 год

А на экзамене Раис Аитов брал уже третий билет, и сердобольный Шуликовский ласково говорил:

– Аитов! Ну ведь ты ж ничего не знаешь! Ничего!!!

– Задайте дополнительный вопрос, – упорствовал Раис.

– Ну ладно. Чему равен интеграл от dx ?

В арифметике – это типа сколько будет дважды два.

Раис глубоко задумался.

– Или ноль, или единица!!!! – ревел взбешенный педагог. – Ты хоть угадай!!!

Не угадал Раис.

На несколько лет позже механико-математический факультет КГУ закончили мои сестры Таня и Надя. Поехали по распределению в маленький городок Миасс на Урале в конструкторское бюро Макеева. Сейчас это ГРЦ – государственный ракетный центр.

Живут они там всю жизнь, причем Таня работает до сих пор, рассчитывает орбиты. И это в оборонке! И ей уже за шестьдесят. Незаменимых специалистов выпускал в те годы мехмат КГУ.

Однако продолжим. Летняя сессия на третьем курсе. Жара. Утомленный солнцем народ тащится на экзамен по научному коммунизму. Ну никак не монтируется предмет с окружающей действительностью.

Принимает доцент Субботин. В аудиторию с треском влетает Машка Пушкарёва. Здоровенная девка, загорелая до черноты, в цветастом коротком платье.

Ошеломленный преподаватель раскрывает поданную зачетку, еще раз всматривается в студентку, пишет в зачетку: «Удовлетворительно. Продолжайте отдыхать!»

Студенчество взревело от восторга.

Это университет.

И, конечно, библиотека! Имени Ленина, ясное дело. В центре города, рядом с университетом, в каком-то крутом дореволюционном особняке. Громадный читальный зал со сказочными окнами-витражами. Китайские темы, прямо иллюстрации к хокку Басё. Это уже потом я зачитывался его

стихами.

Метровые гранитные подоконники, надо было успеть захватить место именно там. Путеводителем был «Мартин Иден» Джека Лондона. И я часами вгрызался в ритмические тексты философа Герберта Спенсера, пытался найти хоть что-нибудь английского поэта со сказочным именем Элджернон Чарлз Суинберн.

Засыпал, в читалке это было нормой. И переходил к нашему тогда роману Ивана Ефремова «Лезвие бритвы».

И по-прежнему не знал, что гуманитарий.

Но тем не менее – трижды в неделю спортзал.

Ей-богу, не помню, как я попал в секцию атлетической гимнастики. Это то, что ныне называется дурацким словом «бодибилдинг», а в наше время был негласный термин «культуризм».

Зал штанги был в громадном подвале церкви по улице Баумана, а сама она, без куполов, понятно, служила университету спортзалом. Да простит меня Господь, если сможет, через несколько лет я играл в волейбол в приспособленной под спортшколу церкви города Салехарда.

Три раза в неделю по четыре часа. Шестнадцать тонн «железа» за тренировку. Ни методик, ни учебных пособий. Мы же не штангисты. Доставали из-под полы польский журнал «Спорт для вшистских», то есть для всех. Кумиром был «мистер Универсум», американский культурист Стив Ривс. Это он прославился в фильме «Подвиги Геракла» в шестидеся-

тые годы.

Шварценеггер тогда еще австрийским пионером был, блин!

Народ у нас был явно сумасшедший. Женька Зуев был одержим мыслью победить Ривса. По параметрам. У Стива бицепс 47 сантиметров, у Женьки – 45. Объем груди 125 на 119. Бедро 72 на 69. И так далее.

Универсум был впереди на несколько сантиметров!

И Женька грузил на поднос в столовой два первых, три вторых, два стакана сметаны и умудрялся пообедать на три рубля при стоимости штатного студенческого обеда семьдесят копеек.

Не было тогда ни анаболических стероидов, ни витаминов, ни биологических добавок. Всё натурель. Но не сдавался американец!

Еще раз повторю, это не тяжелая атлетика. Там без природных данных делать нечего.

А тут рядом пахал (вот что было, то было, все пахали, как карлы) паренек с соседнего курса баскетбольного роста. Худой, как велосипед. Феликс. Кстати, всегда со значком Феликса Эдмундовича Дзержинского на лацкане пиджака. Поскольку был начальником общежитской БКД. Кто-нибудь помнит такую аббревиатуру? Это не добровольная народная дружина, где по вечерам по разнарядке, матерясь, ходят по улицам бабки с красными повязками.

Это боевая комсомольская дружина. Без особых примет

гуляют по окрестностям крепенькие ребята в спортивном прикиде. Вот пьяный амбал пристаёт к стайке девушек.

– Ну-ка отойдем, паренек!

Отошли за угол – дыц! дыц! – два-три крепких удара. Качественно, по-боксерски.

– Еще раз увидим – будет хуже!

Вот так, простенько, но эффективно.

А вот таскает штангу мастер спорта по греко-римской борьбе, сейчас она называется классической, Зиновий, ростом метр шестьдесят, весь круглый от накачанных мышц.

Три года эта «качалка», как бы сегодня сказали, была мне родным домом.

Заканчивается тренировка, распаренные после душа «атлетические гимнасты» одеваются не спеша, хохот, анекдоты и ощущение не зря проведенного времени.

Вот один очередной вскидывает руку в прощальном приветствии: «Уе!» И слышит в ответ разноголосый хор: «Бы-вай!»

Волею судеб после третьего курса занесло меня в Ульяновский педагогический институт, который успешно и окончил. Раз и навсегда поняв разницу между императорским университетом и областным педвузом.

И со всем этим багажом приехал (не по распределению, а добровольцем) на Крайний Север.

Лагерь

Пионерский лагерь, конечно. Что это такое мы, сельские школьники, представляли слабо. Наше дело летом – на колхозном токе; свекла, кукуруза на силос. Помню, лет в шесть, еще перед школой, сидел на шее (на спине ноги не позволяли: спина-то была, как диван) здоровенного мерина, который тупо утаптывал силосную яму. Дядя Витя дал поводья.

А родные огороды – десять соток картошки! Это ж надо было посадить, окучевать, тяпкой рубить сорняки. И так с первого класса, да и в студенчестве приходилось. Лето-то длинное.

Пионерский лагерь был у нас в программе пединститута, на третьем курсе. Я записался на первый заезд, отработаю, думаю, три недели и – к Валерке на пароход, на «Грузию», каждое лето там пропадал месяцами.

«Чернильницу» (такие вещмешки тогда были, типа солдатских) – на плечо и – на вокзал. Станция Глотовка – семьдесят километров в сторону Саранска.

На самом деле большое село, за ним – пруд, и уж за ним – лагерь. Десяток корпусов деревянных, огороженная территория. Начальницу звали как-то совсем уж по-старорусски – Серафима Михайловна!

«Тебя-то я и жду, – говорит. – Иди к завхозу дяде Грише. Он все объяснит». Он и объяснил: «Первая смена: второй

– пятый классы, двести человек, два десятка пионервожатых, кухня, амбулатория. Короче, мужиков всего трое! Физрук Володя, музыкант Толик, ты третий!»

А у меня была редкая должность – плаврук. Пруд-то был метров семьдесят на двести. Тут глаз да глаз!

«Но главное не в этом, – сказал завхоз, – главное – отбиться от местных. Два десятка молодых девок! Вот, держи», – и протягивает мне плетку, сплетенную из телефонного кабеля. Я нерешительно взял. «Если уж совсем худо, то... – и достает из угла потрепанную одностволку и несколько патронов. – В патронах соль», – добавил дядя Гриша.

«Да, – думаю, – это я попал». Вечером было открытие лагеря. Торжественная линейка на поляне, пионерский костер. А мое дело – охрана, держу периметр. Слышу из кустов, где хоронились местные ребята: «Вот... вот... ходит, сучара! Наняли. здоровый, гад!»

А я за два года «качалки» действительно набил мышцу и в «олимпийке» выглядел неплохо.

На следующий день начались рабочие будни. Столовая. Пробегает мимо нас с Толиком пацан с красной повязкой: «Мальчик! Ты дежурный? Скажи на кухне – плавруку три порции «второго!» Курочку давали. С картофельным пюре. И так далее.

Самое смешное – через пару дней санэпидстанция проверила пруд и нашла какую-то вредную палочку. И я стал безработным.

Помимо охраны периметра, по субботам я отвечал за помывку в бане сотни пацанов. «Мальчик! Голову мыл?» И, невзирая на ответ, – голову в шайку!

К обеду у меня руки хрустели. Серафима Михайловна зарядила меня и на утреннее построение.

Восемь утра. Старшая пионервожатая Лена:

– Толик, вставай!

Толик что-то мычит – встанешь тут, когда часа в три лег!

– Толик, вставай!! Лагерь уже стоит!!!

Натягиваю шорты, футболку, темные очки и выхожу к тумбочке.

Так, командирский голос...

– Лагерь! Смирно! – Толик растягивает меха аккордеона.

– Флаг поднять!!!

«Чтобы тело и душа были молоды», – ревет аккордеон.

Да, пожалел я потом, что не записался на все три смены!

А периметр приходилось держать. Каждый вечер на той стороне пруда кучковалось местное пацанье, и периодически осуществлялись попытки проникновения. Как-то совсем уж достали, и я пальнул по верху. Соль свистнула по веткам, посыпались листья.

– Убил! Убил!!! – заверещал кто-то дурашливым голосом.

Ну, думаю, надо вечерний обход произвести. Захожу в крайний, десятый корпус. Время к десяти, отбой, а не спят.

– Нарушаешь, мать, – говорю пионервожатой Наташе.

– Да заколебали уже.

– Дай-ка я попробую.

– Хорошо, сказку на ночь – и дрыхнуть!

Полчаса рассказывал какую-то небылицу, сверстанную из нескольких сказок. Уснули. И пошли мы с Наташкой на посиделки к Толику с аккордеоном.

Утром я проснулся знаменитым. За завтраком начали подтягиваться делегаты из корпусов: «Политрук! Сказочку!! Вечером!!!»

Волейбол в парке, 1968 г.

Термин «плаврук» пионеры не воспринимали никак, а вот политрук – это было понятно. В Советском Союзе.

И началось! Каждый вечер я устраивался в очередном

корпусе, пионеры подтягивались по двое-трое поближе, совали под подушку пряники и конфеты с ужина и полчаса слушали очередную «Шахерезаду». Пятиклассники уже воспринимали Жюль Верна, Дюма и Луи Буссенара.

Как-то периметр начали нарушать в сухопутном режиме, через забор. И я неудачно толкнул самого наглого так, что он покатился кубарем. Достали.

– А, – запричитал он, – сильный, да? Погоди, вот вечером придут старшие, они тебе покажут!!

– Иди, – говорю, – дефективный!

Сыграли несколько партий в волейбол, и начальница говорит: «Ребята! Не хотите встретить нашего фельдшера на станции? Она из города медикаменты везет?»

Мы с Толиком вызвались. Тяпнули по кружке пива, встретили тетю Нину и вокруг пруда чешем домой. Вдруг встречают нас Наташка с Ленкой и говорят: «Ребята! Вас там ждут! Местные. Парни здоровые. Мы боимся! Там их Серафима Михайловна уговаривает!»

Мы с Толиком залегли в траве под забором и ждем развития событий.

Через полчаса идут, человек пять. Да, думаю, если бы они нас застали, то не отбиться.

Прошли они, и я к начальнице:

– Серафима Михайловна! Как же это вы их уговорили?!!

– Я, сынок, два десятка лет работала в исправительно-трудовой колонии для малолеток!!!

На следующий день мы с этими парнями играли в волейбол.

Стройбат

Армия окружала нас с детства. Первое послевоенное поколение. Самое многочисленное. Я с сорок шестого, Славка с сорок восьмого, Юрик с пятидесятого. Четыре года – три пацана. Будущие защитники Родины.

Наши отцы еще носили фронтовые гимнастерки и фуражки. Собирались на 9 Мая и вспоминали Восточную Пруссию. Помню медали на отцовской груди – «За взятие Кенигсберга», «За оборону Сталинграда» и «За отвагу». Три самые достойные медали.

В статусе медали «За отвагу» прописано: «За мужество и отвагу, проявленные в прямом соприкосновении с противником». Вот так вот. Мы гордились своими отцами.

Родина была рядом. Село Александерталь. Долина Александра. Рядом другие «долины» – Мариенталь, Визенталь.

До войны это была Республика немцев Поволжья, простиравшаяся в лучшие годы от Саратова до Симбирска.

В августе 41-го всё ее население, около полумиллиона человек, было выслано в Сибирь, Казахстан, на Крайний Север.

После института, приехав в Салехард, я встречал там уважаемые фамилии – Гербель, Май, Майер.

Единственный народ, не реабилитированный после сталинских репрессий по сей день!

А работающий был народ. В Надыме к нам в редакцию в девяностые годы приехал из Казахстана журналист Коля Юнгус, потомок этих переселенцев. Рассказывал занятную историю о трудолюбивых казахских немцах.

По итогам жатвы (что это такое для Казахстана, понятно) ЦК КПСС республики представлял лучшего комбайнера к званию «Герой Социалистического Труда». Всё по-казахски просто: намолотил больше всех – и Герой.

И вот в ЦК поступают данные: наибольший «намолот» – 170 тонн... лучший комбайнер... фамилия Геббельс...

Члены ЦК впадают в ступор и вызывают героя. Это невозможно. Не может Герой Социалистического Труда СССР носить фамилию рейхс-министра пропаганды. И ласково увещевают: «Так ведь тебя и так все Ваня зовут... сменишь фамилию. Фёдоров, скажем, и все дела».

«Я – Геббельс! – заревел передовик. – Иоганн Геббельс! И отец мой был Геббельс! И дед!!!»

Пришлось дать Героя второму по списку.

В Александертали в сорок шестом году из немцев была разве что Ванда Иосифовна, супруга преподавателя Варенцова. Отец с ним работал вместе в школе механизации.

Более чем насущное дело, кстати, судорожно восстанавливалась вся сельхозтехника. Поволжье – вечно голодный край. Довоенные американские тракторы типа «Фордзон», локомобили, молотилки, транспортеры. И тем не менее, по рассказам матери, что называется, лебеду ели.

Выросли на картошке и молоке коровы Зорьки. Красавица «голландка», красная, с белыми пятнами, – три дойки по 9 литров: четыре утра, когда стадо выгоняют пастись, в обед мать бегала на пастбище, и вечером, когда Зорька, всегда сама, громко мыча, приходила домой.

А народу-то прибавилось: девки пошли, в 51-м – Танька и Надя – в 53-м. А мы сейчас толкуем о демографической политике. Нет, это явления природные.

Во многом спасла нас тетя Миля, наша нянька и вторая мамка Эмилия Густавовна Керсон. Не то что жрать нечего – жить было негде. И мы три года жили у нее «на квартире».

Деревянный домик, огород и, самое главное, пчелы!!! Два здоровенных сына, молчаливые эстонцы, держали хозяйство. Я, кстати, замечательно ругался на эстонском – «куррат, перкеле, сууре пярасельт». Да мы там все время проводили: отец и мать на работе с утра до вечера.

И сейчас перед глазами здоровенная алюминиевая миска с медом и наломанными сотами, и мы макаем туда ломти хлеба. Но это раз в году, во время качки меда. Хлеб был по карточкам. Большие такие буханки. На вес. Не понять этого сегодняшним покупателям сетевых магазинов премиум-класса. Не тот класс, не тот...

Из магазинных деликатесов – конфеты-подушечки, слипшиеся в единую массу. И совсем сказочные «матрасики» – конфеты «Гусиные лапки».

Опустевшие после депортации села заполонил самый

пестрый народ: татары, башкиры, мордва. В июне всю гремел Сабантуй. Со всеми фишками – борьба, конные скачки, лазание на столб, разбивание горшков.

Да что там – верблюды ходили! Оренбуржье тоже недалеко.

Природа вокруг была уникальная. В речке с языческим названием Кондурча водились золотые караси размером с тарелку. За селом у малюсенькой деревушки Четыровка был деревянный паром, на котором на ту сторону, в луга, переправлялись в сенокос «люди и кони».

Году в 1964-м мы со Славцом – студенты-первокурсники – заехали на родину... Подходим к деревушке... Да три домика всего. Сидят на завалинке три деда. Старинные такие, в картузах, в черных костюмах, несмотря на жару. Угощают друг друга самосадом. Все путем: коробочка из-под монпасье, там махорочка и сложенная пакетиком газета. «Ну-ка курни моего». Дед курнул и зашелся в кашле. Второй послушал и с видом эксперта: «Хороший кашель». И третий – голосом знатока: «Но редковатый».

«Здорово, деды!» – это мы. «Здорово, коли не шутите.» – и деды сняли картузы. Да раньше так положено было. Мы прониклись.

В августе в пойме, на озерцах и болотинах гнездилась масса уток. Отец был заядлым охотником и приобщал каждого из нас к этому древнему занятию по достижении семи лет.

Выглядело это так: мы уходили в лесопосадку, отец укла-

дывал стволы уникальной двустволки (бельгийский «Пипер Баярд» – фронтовой трофеей!) на развилку подходящего дерева, упирал мне приклад в грудь – в плечо нельзя было, ключица слабенькая, и командовал: «Стреляй!» Славка зажмурился, я, по-моему, тоже, Юрик ползал рядом в траве. «Ба-бах!» Инициация состоялась.

Оружие. Выстрел. Вот тебе и подготовка к армейской службе. В Салехарде я первым делом купил себе одностволку «Иж-18» и с тех пор без охоты не могу.

А вот и мы, все пятеро

Богатая добыча

Отец, кстати, приезжал ко мне в 1975 году посмотреть, как там старший сын на далеком Севере. Поездом до Тюмени и самолетом до Салехарда, а ведь далеко за шестьдесят ему было.

И вышли мы в августе в пойму речки Полябты, и местный охотничий бог послал нам добычу. Честно сбили по утке каждый.

До Славки отцу не добраться было. Норильск. Рудник «Медвежий ручей».

Это он уже после Дальнего Востока завербовался туда, намаявшись на родной Волге электриком в колхозе. Оргнабор так называемый. И вот сидит он в Домодедово: задержка двух рейсов, и две сотни норильчан толкуются вокруг буфетов. Подходит здоровенный бородатый мужик с вопросом: «Первый раз?» Выпили, ясное дело, выяснили детали.

«Ты вот что, паренек, я лечу вторым рейсом, держи ключ, в Алыкеле (аэропорт Норильска) идешь в котельную, спросишь дядю Колю, он покажет мой балок... Возьми бутылку водки и жди меня. Никому не открывай».

Вот такой народ тогда был на Северах. Этот мужик практически потом спас Славку, отговорив, когда его направили на флотационную фабрику. Там три года работы – и ты инвалид.

Работал братан на открытом руднике, «бугром» команды ВВС (высоковольтные сети), после забурки шпуров и заклад-

ки аммонала они опутывали всё это хозяйство проводами и, поскольку радиосвязь в полярную ночь и пургу работала ненадежно, смотрели на сигнальщика. Два красных флага вверх – все «носом в пол», и очередной «горизонт» с грохотом взлетал в воздух. Дальше шли сорокатонные «Белазы».

Боевой был у Славца коллективчик, работал даже знаменитый Ваня Грифенштейн, «враг народа», попавший в Норильлаг еще при Завенягине.

Да что там говорить! Вся индустрия Советского Союза была построена этими «врагами народа» – Беломорско-Балтийский канал, Волго-Дон, Магнитка, Магадан, Экибастуз...

Экибастуз, твою мать, как сказали бы первопроходцы.

В 1957 году школу механизации объединили с Усольским сельхозтехникумом, и мы переехали в Усолье, старое русское село на Волге, вернее, на берегу только что созданного Куйбышевского «моря».

Везло нам на природные ландшафты: здесь мы ловили леща под «утесом Стеньки Разина». Помните песню «Есть на Волге утес»? Вот это он и есть.

Тут армия стала реально ближе. Возвращались со службы наши старшие братья, щеголяли на танцах дембельской формой, дрались с подросшей молодежью. Так, для уважения, типа «пойдем выйдем».

Парень, не служивший в армии, был заведомо ущербным. Слово «откосить» никто не знал. Значит, что? Больной. Да еще, не дай бог, пугающий диагноз – плоскостопие! Не, с

такими и девки-то не танцевали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.